

ЧУДОВИЩЕ

Даниил Рожков

16+

Даниил Рожков

Чудовище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65761250

SelfPub; 2021

Аннотация

Охотник настиг свою жертву. Они встретились, человек и девушка иной расы.

Но кто из них на самом деле человек, а кто чудовище-нелюдь?

Даниил Рожков

Чудовище

Облегчённо выдохнув, Хлауль отползла на пару шагов. Вытерла липкий пот со лба и обессиленно откинулась на мягкую траву. Мысли путались в её голове, обрывки воспоминаний цеплялись друг за друга, кружась разноцветными пятнами. Ей мерещились то слёзы радости на лице крестьянки, излеченной ей от лихорадки, то оловянные глаза солдата, метавшегося в забвении с вывороченными кишками, то красный шершавый коровий язык, облизывающий новорождённого телёнка. Почудился внимательный взгляд мужа. Хлауль почти ощутила ласковое прикосновение его сильных рук, одинаково умело державших плотницкий топор, охотничью рогатину и её, Хлауль, девичий стан.

Ей вспомнился пряный запах медуницы, собранной поутру на лугу, и аромат парного молока после утренней дойки. Но их тут же перебила острая вонь гари, и память услужливо подсунула совсем другие картинки.

Дымящийся остов сожжённого дома. Почерневший частокол, торчащий из осквернённой земли, словно обломки зубов изо рта мертвеца.

И голова Райга с застывшим на лице оскалом, прибитая к уцелевшим воротам.

Хлауль беззвучно заскулила, дрожащими руками стягивая

на груди тёплый плащ. Потом силы оставили её, и девушка наконец провалилась в милосердный глубокий сон.

– Ведьму я встретил на тракте, как есть ведьму, истинно вам говорю! – Рыжий мужичонка, рыхлый, как квашня, вытаращил глаза и хлопнул по столу, откинувшись на лавке. – А то чего это у меня засвербело в кишках, как только она на меня зыркнула своими зенками-то зелёными? Прямо душу насквозь мне проглядела! И порчу навела, тьфу-тьфу!

Толстяк мелко перекрестился и сплюнул на пол корчмы, щедро усыпанный гнилой соломой. Из-за стойки вышел здоровенный чёрный котище, лениво зевнул, показав острые зубы, потянулся и, задрав пушистый хвост, надменно прошествовал к двери.

– Ага, засвербело у него! – Рябой мужик, сидевший напротив, только отмахнулся и запустил в ухо грязный палец. – У тебя свербело тогда только, когда Ганка тебя за овином с дочкой мельника с задраным подолом застучала. Да и то не в кишках, а по спине всей свербело, после граблей Ганкиных-то. А то ишь чего удумал – ведьма, ага.

Крестьяне, недоверчиво слушавшие рыжего, дружно заржали, переглядываясь. Рыжий аж засопел от обиды:

– Тьфу на вас... Вот ведь истинный крест вам, ведьма она была, ведьма как есть! Чую я это, да. А то куда она с дороги делась, когда я на Ёшкин холм-то поднялся? Не видать ведь было никого кругом до окоёма самого! Не иначе черти её

подхватили по дороге да унесли, куда приказала! Напрямки до Чёртова урочища, а до него-то ведь ажно пять вёрст!

Рыжий сунул нос в пустую кружку и с видимым сожалением отставил посудину в сторону.

– Застрашала, подлюка, аж в горле пересохло. Грыч, ну, поставь ещё кружечку-то, вишь, плохо мне, колотит всего! Да и чтоб я ещё чего когда вам рассказал!..

Рябой Грыч презрительно сплюнул, растёр плевков стоптанным сапогом и махнул рукой:

– Вот пусть те ведьма твоя и ставит. И басни твои слушает. Авось зелья еще подольёт колдунского, чтоб по бабам чужим не шлялся! Ладно, Збышек, Власько, айда до дому, ребята. Жинки нас, поди, заждались, не ровён час сюда нагрянут. Вот тогда у всех засвербит! Бывай, Януш!

Грыч кивнул корчмарю, тот махнул рукой в ответ, и мужики начали шумно подниматься с лавки, лениво обсуждая небывалый урожай брюквы.

– Давай, Войтек! Шёл бы ты тоже до хаты, чтоб не свербело нигде завтра!

Под дружный гогот крестьяне вывалились из корчмы в прохладу осеннего вечера.

Народу в корчме почти не осталось. Трактирщик вышел из-за стойки, послунывил пальцы и хозяйственно загасил пару лишних лучин.

Рыжий Войтек, насупившись, полез в тощую мошну, глянул внутрь и, с досадой крякнув, убрал обратно за пазуху.

Видать, мошна была заодно с Ганкой и не одобряла ещё одну маленькую кружечку пива.

Понурившись, бедолага совсем приуныл и собрался было подняться с рассохшейся лавки, но передумал, услышав стук деревянных ножек о пол: кто-то подсаживался к его столу. Войтек с надеждой глянул на подошедшего.

Сухощавый мужчина в пыльном дорожном костюме мягко опустился на приставленный стул, аккуратно положил шляпу на столешницу и кивком поздравил корчмаря.

– А что, милейший... э-э... Войтек, так, кажется? Не откажется ли столь солидный господин от маленькой кружечки пива? Просто промочить пересохшее горло?

С этими словами незнакомец глянул рыжему в глаза и усмехнулся. Усмешка его была странно перекошенной, как будто он учился улыбаться только одной половиной гладко выбритого лица, совершенно забыв про другую.

Войтек почувствовал, как ранее выпитое пиво тут же из него испарилось. Мигом улетучилось, оставив его мокрым от портянок до самой едва намечавшейся плечи. Холодный пот предательской струйкой побежал по спине.

Страшен был не уродливый шрам незнакомца, начинавшийся у середины лба и спускавшийся по щеке до самого подбородка.

Страшен был не его застывший взгляд, жуткий, как у аспиды, готового к смертельному броску.

Не глаза, свинцово-серые, как мрачные льды самого Чи-

стилища.

Страшно было то, что из этих холодных немигающих глаз на рыжего смотрела сама смерть. А Войтек был не самым храбрым человеком.

Гость перевёл взгляд на трактирщика, и наваждение исчезло. Войтек моргнул и сглотнул слюну.

Ну и что, что зенки страшнющие, подумаешь, может, он наёмник, солдафон-убивец. Сколько таких после мятежа баронского по дорогам шляется! Не позарится же он на тощую мошну Войтека – у самого гроши есть, поди, и немало: вон пряжка на шляпе серебряная с камнем, платье добротное, сапоги дорогие, хоть и грязнющие до самых до голенищ. Меч знатный опять же. Мечом-то, поди, себе на жизнь и промышляет. И шрам получил на морде, за короля сражаясь. Ну, или против короля – кто их разберёт, наёмников этих. Всё одно милостивый король простил всех мятежников. Ну, кто жив остался, понятно, кого на кол не посадили отдыхать сразу. Так что можно и стражу не звать, законно он тут сидит, ага. Хотя стража тут не помогла бы, случись замятня какая. Такой прошёл бы сквозь вахлаков деревенских, как вилы сквозь сено, и не заметил бы даже.

Да что это я, одёрнул себя крестьянин, ну, угощает человек пивом. Фураж-то с провиантом солдафоны у нас бесплатно брали всю войну, вот совесть и проснулась, поди...

Почесав плешь и шмыгнув носом, Войтек снова уселся на лавку.

– Дак что ж не выпить-то, коль достойный человек угощает. Все люди – братья, эт мы завсегда с нашим удовольствием компанию составим людям хорошим.

Подошедший корчмарь плюхнул на стол две кружки пенящегося пива и блюдо с жареными карасями. Смахнул крошки, мазнув грязным полотенцем по столешнице, правда, чище от этого не стало.

– Благодарю, любезный, сдачу оставь себе. А моему другу принеси ещё пива, я вижу в нём истинного ценителя... – Незнакомец подмигнул хозяину и кинул ему серебряный статир. Поймав монету, трактирщик попробовал её на зуб, довольно осклабился и, кланяясь, отошел за стойку.

– Ну, что, Войтек, выпьем за твой острый глаз!

С этими словами незнакомец поднял свое пиво и кивнул Войтеку. Тот радостно ухватился за кружку обеими руками и со словами «Ваше здоровье, милсдарь!», ворочая кадыком, опустошил её в три глотка.

Незнакомец же аккуратно отхлебнул и отставил напиток в сторону.

– Любезный, я тут краем уха услышал твою историю. Вижу, твои друзья её не оценили. Право слово, обидно, когда тебя считают за лжеца, особенно если ты излагаешь то, что видел собственными глазами. Ведь ты эту ведьму видел сам, не так ли? – Незнакомец внимательно посмотрел на Войтека, постукивая по столу очередной монетой, вынутой из кошелька.

– Вот как вас вижу, милсдарь, ей-ей, не вру, чтоб мне провалиться! До сих пор зелёные зенки ейные мерещатся, свят-свят! – Войтек выпучил глаза и размашисто осенил себя крестным знаменем. – Не иначе как порчу навела, чтоб глотка у меня сухая всегда была, аж глотать больно!

Из-за спины Войтека снова возник корчмарь и поставил на скрипнувший стол ещё две кружки. Войтек протянул было руку за пивом, но потом отдёрнул и боязливо глянул на собеседника: можно? Тот молча махнул рукой с блеснувшим перстнем – пей, мол, спокойно – и спросил:

– Скажи-ка, милейший, а не было ли на этой ведьме кулона с большим тёмным камнем? Неправильной формы? В золотой оправе и на золотой цепочке?

Войтек оторвался от кружки, отёр с усов пену и поскрёб нечёсанные патлы, вспоминая.

– Да вроде не припомню такого. Хотя цепочка была, господин хороший, и точно золотая, блестячая такая. А вот что висело на ей, видать не видал. Да и под плащом не разглядеть было. А вот глазищи помню, аж вздрагиваю по сю пору. Зелёные, что жопка лягушонка. Не бывает у людёв таких глаз, не бывает! Только у этих... у лесовиков, да только о них в наших краях лет сто как не слышал никто! Ваше здоровье, милсдарь почтенный! – Войтек опустошил кружку, залив последние капли себе в глотку, и придвинул поближе блюдо с золотистыми карасями. – Торопилась она куда-то сильно, это заметно было, господин хороший. Тощенькая та-

кая, в чём только душа держится.

– Тощая и торопилась, говоришь? Ну ничего, мы-то с тобой никуда не торопимся, верно?

Незнакомец облокотился на стол и прикрыл глаза рукой, продолжая постукивать монеткой. Посидев так некоторое время, мужчина откинулся на спинку стула, открыл глаза и усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Отлично, любезный, просто отлично. Неплохая история на ночь. Теперь расскажи по порядку, где ты её встретил, о чём вы говорили и в какую сторону ведьма потом направилась. А это поможет освежить твою память.

С этими словами гость катнул монетку по столу в сторону Войтека. Тот проследил глазами за катящимся кругляшом, хватко сцапал его и, быстро оглядевшись, не видел ли кто, сунул в мошну. Сплюнул рыбью кость на пол, утёрся обтрёпанным рукавом и насупил рыжие брови, припоминая подробности.

– Дело, значит, было так...

Утренний лучик солнца проделал себе дорожку сквозь густую листву и остановился на лице спящей Хлауль, мягко щекоча ресницы. Девушка улыбнулась, прощаясь со сном, и медленно открыла зелёные глаза. Прямо перед ней на тонкой ветке устроилась малиновка. Забавно наклоняя головку, птичка разглядывала Хлауль, словно пыталась понять, чего ждать от незваной гостьи – добра или худа. Так и не решив это для

себя, пичуга упорхнула, оставив ветку покачиваться.

Хлауль улыбалась, подставив лицо тёплым лучам утреннего солнца. Все прошлые беды остались позади. Вонь пожара наконец перестала преследовать девушку, сменившись пряным ароматом осенней листвы. Отрезанная голова Райга сегодня не снилась Хлауль, не глядела укоризненно мёртвыми зрачками прямо в душу.

Призраки прошлого отступили перед радостями настоящего. Впереди была новая жизнь.

И не только её собственная.

Прошлым вечером Хлауль исполнила своё предназначение, отложив целых восемь яиц. Женщины народа ренна приносили потомство один-два раза в жизни, откладывая пять-шесть, очень редко семь яиц. Видимо, бог семейного очага благоволил Хлауль, раз ей удалось выносить целых восемь. Правда, одно яйцо получилось немного мельче остальных, но так бывает, ничего страшного: дитя подрастет и сравняется с братьями и сёстрами. Малыши ренна вылуплялись на свет зрячими, полностью готовыми к жизни и не требовали особого пригляда. Память предков сама просыпалась в них по мере взросления, а росли ренна не по дням, а по часам. Для Хлауль сейчас это прямо благословение небес: после тошнотворного, липкого ужаса последних событий отдых был нужен ей, как глоток воды изнурённому путнику, бредущему под палящим солнцем. Надо просто отдохнуть, и всё будет хорошо.

Яйца, лежавшие в кладке, начали подрагивать. По двум-трём прошли трещины. Хлауль радостно улыбнулась, перекатилась на живот и положила голову на ладони, наблюдая за рождением новой жизни. Поправив родовой медальон на золотой цепочке, она приготовилась ждать.

Вчерашний собеседник Войтека быстро шёл по осеннему лесу, продираясь сквозь заросли можжевельника, огибая упавшие деревья и перепрыгивая через ручьи. Несколько раз он останавливался, оглядываясь вокруг, как бы проверяя направление, и спешил дальше. За его спиной висела старая дорожная торба с крепко притороченным к ней арбалетом, а из-за торбы выглядывала потёртая рукоять длинного меча.

Насвистывая лёгкую песенку, мужчина в очередной раз остановился рядом с трухлявым пнём. Потоптавшись на месте, путник выдохнул и опустил в траву. Пробормотав что-то себе под нос, он снял торбу с плеч, выудил оттуда краюху хлеба и принялся жевать, поглядывая по сторонам.

Дожевав последний кусок, незнакомец стряхнул с платья крошки, снял шляпу, склонился к ручью и начал жадно пить. Утолив жажду и набрав во флягу свежей воды, он привалился спиной к раскидистому дубу и закрыл глаза. Вытянул уставшие ноги.

Прилетела малиновка, опустилась на пенёк и, почистив клюв, радостно сообщила:

– Цвик, цвик, фиу-у-у!

Мужчина открыл глаза и уставился на птицу.

– Хоть ты подскажи, где мне искать Чёртово урочище! Давно я тут не был, не вспомню, куда идти. Направь, что ли, создание божье!

Малиновка недовольно цвикнула ещё пару раз, переступила с лапки на лапку и упорхнула вдаль. Запомнив направление, мужчина поднялся на ноги, пробормотав:

– Что ж, посмотрим, насколько я удачлив.

Закинув мешок за спину и надев шляпу, путник быстрым шагом двинулся дальше.

Из семи яиц вылупились три мальчика и четыре девочки. Восьмое, маленькое, пока оставалось целым. Крепенькие и жизнерадостные, малыши-ренна по очереди деловито сосали грудь Хлауль. Измождённое, но удивительно красивое лицо девушки освещала мягкая улыбка. Новорождённым ренна не так уж и требовалось грудное молоко, но Хлауль не могла отказать себе в этом маленьком удовольствии.

Накормив последнего малыша, девушка бережно опустила его на мягкую траву к остальным и взяла в руки восьмое яйцо. Улыбнувшись, погладила пальчиком теплую шершавую скорлупу. Грациозно потянувшись, встала на ноги и сбросила плащ, под которым ничего не было. Солнце ярко освещало её худенькое, но гармонично сложенное тело. Хлауль прижала яйцо к животу, желая немного согреть его, отошла на пару шагов к старому клёну и тихо запела песню о

НОВОЙ ЖИЗНИ...

Мужчина резко остановился и прислушался. На усталом худом лице его появилась улыбка, и он прошептал:

– Наконец-то! Я уж было испугался, что потерял тебя, моя красавица... И свою удачу заодно. Что ж, пора нам встретиться.

Мужчина свернул с тропы и пошел на звуки песни. Аккуратно отгибая ветки, он пробрался сквозь ольховник, приблизившись к небольшой светлой полянке. Тихо-тихо, словно боясь разбить хрупкий хрусталь, он раздвинул листву и увидел Хлауль. Обнажённая девушка стояла к нему спиной и негромко пела. Улыбка снова появилась на его суровом лице. Мужчина стоял не дыша, наслаждаясь чарующими звуками и зрелищем – прекрасной девушкой, поющей под ярким солнцем.

– Как же ты хороша! – прошептал он. Покачал головой, вслушиваясь в серебристые переливы, и вздохнул.

Потом отступил на шаг, аккуратно, стараясь не шуметь, отцепил от торбы арбалет, зарядил его и, тщательно прицелившись, спустил тетиву.

Тяжёлый болт по самое оперение вошёл в спину Хлауль и бросил её на дерево. Последнее, восьмое яйцо выскользнуло у неё из рук, упало в высокую траву и укатилось в овраг. Девушка захлебнулась кровью и сползла на землю, ломая ногти о жёсткую кору. Неловко завалилась набок. Заскребла рука-

ми по земле, с корнем выдирая мелкие травинки и высокие стебли мятлика. Подтянула худенькие коленки к подбородку, уже испачканному густой кровью, и затихла.

Мужчина не торопясь вышел из зарослей, на ходу цепляя арбалет на место. Затем вытащил меч и направился к малышам ренна, насторожённо наблюдавшим за ним. Не утруждая себя наклоном, проткнул мечом каждого – так же буднично, как крестьянин протыкает вилами стог сена. Сбросил с плеч торбу, перехватив руками лямки, аккуратно положил её на землю. И подошел к Хлауль.

С длинного, заточенного на совесть клинка капала кровь. Мужчина посмотрел на небольшую грудь девушки, хмыкнул и пнул её по ноге.

– Не притворяйся мёртвой, тварь. Ваше племя живучее, я знаю. Вас надо резать на куски, чтобы заставить сдохнуть. И то лучше сжечь потом.

Глаза Хлауль медленно открылись.

– Почему? – С каждым звуком изо рта девушки толчками текла кровь. – За что?

– Ты ещё спрашиваешь за что, тварь? – Брови мужчины удивлённо поползли вверх. – За то, что вы не люди. Вы чудовища, противные человеческому взору. Своим существованием вы поганите землю, по которой ходите. Нашу землю, людскую. Человеческую. – Мужчина ткнул мечом в ступню девушки. – Вот этими самыми ногами вы оскверняли нашу землю. Но теперь всё. Ты последняя. Это я годами выслежи-

вал и уничтожал ваш род. Это я сжёг твоё убогое жилище. Это я убил твоего самца, тварь. Убил и отрезал ему голову, чтоб наверняка. И если бы ты сидела в тот вечер в своём логове, а не шастала по округе, собирая травы для своих гнусных ритуалов, всё было бы кончено ещё раньше. Но и так неплохо вышло: и ты сдохнешь, и выводок твой, весь ваш род под корень. Кстати, вы же даже размножаетесь не как люди. Вашим бабам не всегда нужны самцы, чтобы наплодить новых ублюдков. Вы откладываете яйца, как безмозглые куры. Но куры хотя бы полезны. А ты спрашиваешь, за что.

– Я... лечила вас и... не требовала платы. Мы несли вам... добро. В ренна не было... зла к людям.

Каждое слово давалось Хлауль с большим трудом. По щекам её текли слёзы, смешиваясь с кровью.

– Несли добро? Но человеку не нужно добро от мерзких чудовищ! А вы чудовища. Были. – Мужчина улыбался.

Девушка что-то прошептала, пуская кровавые пузыри.

– Что-что? – Мужчина брезгливо наклонился к умирающей, избегая прикоснуться к ней, чтобы не запачкаться в крови.

– Чудовища... это... вы. Люди. Вы же... всё... до чего... дотянетесь... – Хлауль забила в булькающем кашле, исторгнув струю алой крови, потом глаза её подёрнулись поволокой, тело обмякло... и девушка наконец замерла.

Мужчина хмыкнул.

– И это сказала тварь, откладывающая яйца, как змея.

Ладно, хватит разговоров. Скоро стемнеет.

Он выпрямился и двумя взмахами отсёк девушке голову. Выдернул болт из тела, тщательно обтёр и сунул в мешок. Сорвал с её шеи медальон на золотой цепочке. Перенёс детей к Хлауль и, отрезав каждому голову, покидал их на её тело. Затем покопался в мешке, вынул склянку с горючим земляным маслом, щедро окропил им трупы, навалил сверху хвороста и щёлкнул кресалом.

Пока пламя разгоралось, мужчина перекусил и напился воды из кожаной фляги. Потом вдруг хлопнул себя по голове и начал что-то искать на поляне. Найдя место кладки, он тщательно перебрал и пересчитал скорлупу. Подошёл к полыхавшему костру, веточкой выкатил и пересчитал детские головы. Удовлетворённо пробормотал:

– Плодовитая была, сучка. Мало кто целых семь вынашивает.

Довольный собой, мужчина уселся на поваленное дерево и уставился на погребальный костёр. Почувствовав, как усталость после тяжёлого дня наливает его тело свинцом и заставляет веки опускаться, он улегся в траву, накрыл шляпой лицо, заложил руки за голову и расслабился, отдаваясь дреме.

Открыв глаза через пару часов, он увидел, что костёр совсем прогорел, и теперь на его месте лишь тлели угли. Огонь сожрал тела ренна полностью, не оставив ни следа. Отряхнув одежду, мужчина тщательно затоптал последние струй-

ки дыма, закинул за спину мешок и, нахлобучив шляпу, зашагал прочь.

Смеркалось.

– Тпр-ру, да стой ты уже!

Войтек, откинувшись назад, натянул вожжи и спрыгнул с телеги. Перед ней испуганно замерла маленькая девчушка, на вид лет трёх-четырёх, грязная, как чертёнок, со спутанными волосами и голенькая.

– Куда ж ты лезешь, оглашенная? Аль жисть надоела? А когда б переехал тебя, господи боже мой! Куда только мать с отцом смотрят!

Войтек никак не мог отдышаться, хватаясь за сердце.

– Уф-ф, малышка, ну и напугала ты меня! А почему ты без рубашки, глянь! А родители твои где? – Войтек наконец успокоился и склонился над девочкой, уперевшись руками в колени. Та насторожённо молчала, глядя на него зелёными глазищами.

– Что молчишь, нет никого у тебя, что ль? А глаза-то у тебя какие красивые, зеленущие! Да ты никак из этих, из лесовиков? Ну, будь она неладна, та война, сколько ж судеб перекорёжила, чертовка, ох, горе-то какое... Всех проредила изрядно – и людей, и ваших! – Войтек по-бабьи всхлипнул и высморкался. Потом решительно выпрямился и рубанул: – Значится, так! Негоже детишкам в такое время по дорогам одним шляться. Нонче много лихих людей шастает. Заберу

тебя к себе, а там видно будет. И Ганка моя обрадуется – свои-то выросли да разбежались кто куда. А кого и Господь прибрал уже. Ну, поехали, дочка! Ништо, сдюжим. Что человек, что лесовик – всё одно тварь божья!

Войтек подхватил девчущку под мышки, усадил на телегу, заботливо накиннул ей на плечи кожушок, подоткнув, чтоб не дуло, и забрался сам. И тут заметил, что малышка сжимает что-то в кулачке.

– А это что у тебя? Покажи, не бойся, не отниму! Нешто я чудовище какое – ребятёнка обижать?

Девочка медленно, словно нехотя, разжала кулачок. На грязной ладошке тускло белел осколок скорлупы.